

Об этнонимах *ороки* и *урянхай* (*uryangkhai*)

Юха Янхунен,

профессор кафедры Восточноазиатских исследований Университета Хельсинки, Хельсинки.

E-mail: asiemajeure@yahoo.com

В статье обсуждается этимология этнонима *ороки*, используемого для одной из аборигенных популяций о. Сахалин. В начале XX в. южная часть Сахалина отошла к Японии. На этой территории продолжали жить ороки, гиляки (нивхи) и айны. После Второй мировой войны, с сентября 1945 г., южная часть Сахалина отошла к СССР. Айны полностью переселились на острова Японского архипелага, а многие ороки остались жить на Сахалине и продолжали вести там хозяйственную деятельность. За длительный срок пребывания ороков на Сахалине у них появилось множество названий и самоназваний, некоторые из которых существуют и в наши дни. Сами ороки относятся к тунгусо-маньчжурским этносам, известным под названиями *ороки*, *орочёны*, *ульта* и *уйльта*. На их родном языке самоназвание этноса звучит как *улта* или *уилта*. Однако эти этнонимы они сами почти не используют, а употребляют термин *уйльта*. Считается, что это название звучит яснее, чем *ульта*. Было принято думать, что данный этноним связан с тунгусским термином, означающим «северный олень». Однако автор показывает маловероятность такой этимологии и предлагает вместо этого связать этноним *ульта* с широко распространённым общим этнонимом *урянхай* (*uryangkhai*). Этот термин для обозначения ороков пришёл через языки их соседей — сахалинских айнов и сахалинских гиляков.

Ключевые слова: этнос, этимология, этнология, тунгусский язык, орок, самоназвание, улта, орочён, урунхай, айны, гиляки, этнонимы.

On the Ethnonyms *Orok* and *Uryangkhai*.

Juha Janhunen, University of Helsinki, Helsinki, Finland. E-mail: asiemajeure@yahoo.com.

The paper discusses the etymology of the ethnonym *Orok* used for one of the aboriginal populations of the Island of Sakhalin. At the beginning of the twentieth century, the southern part of Sakhalin was surrendered to Japan. The Orok, the Ghilyak (Nivkhs) and the Ainu continued living on this territory. After World War II, since September 1945, the southern part of Sakhalin was given to the USSR. The Ainu moved completely to the islands of the Japanese Archipelago, but many Orok people stayed in Sakhalin and continued to be engaged in the economy. During the long period of life in Sakhalin the Oroks created many names and self-names, some of them exist even nowadays. The Oroks belong to the Manchu-Tungus ethnic groups which are known as *Oroks*, *Orochen*, *Ul'ta* and *Uil'ta*. The name of the ethnic group sounds like *Ulta* and *Uilta* in their native

language. However, they almost don't use these ethnonyms but the term *Ujl'ta* instead. It is assumed that this variant sounds more clearly than *Ul'ta*. It was considered that this ethnonym is connected with the Tungusic term for "reindeer". The author demonstrates the unlikeliness of this etymology and proposes a connection with the widespread generic ethnonym *Uryangkhai*. This term was transferred on the *Orok* via the languages of their neighbours, the Sakhalin Ainu and the Sakhalin Ghilyak.

Keywords: ethnos, etymology, ethnology Tungus language, Orok, self-name, *Uilta*, Orochen, *Uryangkhai*, Ainu, Gilyaki, ethnonyms.

Ороки — хорошо известная, хотя и очень малочисленная этническая группа, живущая на центральном и северном Сахалине. Вместе с сахалинскими айнами (главным образом на юге) и сахалинскими гиляками (главным образом на севере) ороки образовали одну из трёх аборигенных популяций острова, к которым четвёртый участник, сахалинские эвенки (в центральной части острова), был добавлен лишь в позднее историческое время (с середины XIX в.).

В период с 1905 по 1945 г., когда Сахалин был разделён между Советским Союзом и Японией, ороки жили как на советской стороне (к северу от 50° с.ш.), так и в японской части острова (к югу от 50° с.ш.).

В конечном счёте все языки, на которых говорят на Сахалине, являются второстепенными, и у всех есть где-либо близкие родственники [18, с. 113—117]. Сам орокский — язык тунгусский, нанайской подгруппы, наиболее тесно связанный с ульчами, проживающими в бассейне Нижнего Амура [10, с. 6]. С другой стороны, сахалинские гиляки находятся в диалектных отношениях с амурскими гиляками, причём оба диалекта представляют собой наследие прежде более распространённой «амурской» языковой семьи в континентальной Маньчжурии. Наконец, сахалинские айны представляют группу с ответвлением семьи айнских языков, которая берёт начало на Хоккайдо и далее на юге Японских островов.

Ороки известны под двумя этнонимами: 1) японский *орокко* и обрусевший *ороки*, вышедший в международное употребление через русский язык, самими представителями изучаемой этнической группы не используются; 2) самоназвание *уилта* (русское *úil'ta* и японское *uiruta*), которое сегодня признано политически правильным наименованием этой этнической группы. Этноним *уилта*, фонетически [uɪta] ~ [uilta], а фонематически, возможно, [wilta], имеет неизвестное значение и происхождение, но в любом случае это обычный родственник слова *улча*, со специфическим развитием деформирования/депалатализации *orok *c > t* (и **j > d*) [7, с. 35—36]. Хотя время от времени, вероятно, происходило обратное, можно с уверенностью утверждать, что между терминами *ороки* и *уилта* не может быть этимологической связи, а это означает, что эти два этнонима происходят из разных источников. Поскольку наименование *ороки* не используется как эндоним, оно, скорее всего, происходит из языка (языков) орокских

соседей. Такая ситуация вполне возможна: например, что касается русской этнической терминологии, хорошо известно, что этнические группы в Сибири часто получали своё название от именовании, которые использовали их непосредственные соседи на западе и/или севере [8, с. 72—77].

В то время как *ороки* активно используют для себя именование *uilta*, следует отметить, что *ulcha* (~ *olcha*), *ульчи*, не называют себя эндонимом *ulcha*, используя вместо него *naani*, термин, родственный этнониму *нанай* (*naa* + *nai* — «местные жители»). В более ранней русской литературе *ульчи* были также известны под названием *мангуны* (от местного названия Амура). Таким образом, хотя формы *ulcha* (*ulca*) и *uilta* (*wilta*) представляют собой две диахронные стадии одного имени, это имя, похоже, всегда относится исключительно к *орокам*, территория которых в историческое время была ограничена Сахалином. Только в советское время термин *ульчи* (*úl'cha*, множ. *úl'chi*) был окончательно утверждён как официальное русское (и международное) наименование континентального населения, которое и сегодня известно под этим названием. То, как возникла эта этнонимическая путаница, не совсем ясно [21, с. 11—13], но можно предположить, что этноним *ульчи* исторически был известен и на континенте. Оставив эту проблему в стороне, в последующем обсуждении основное внимание уделим истокам названия *ороки*.

ОРОКИ ПРОТИВ ОРОЧИ, ОРОНЧОН (ORONCHON)

Общепринято, что этноним *ороки* происходит от тунгусского слова (**oron*, «одомашненный северный олень» [8, с. 24—25]. Это предположение, присутствующее, например, в работе Т.И. Петровой [5, с. 5—6], тем более естественно, что *ороки* выпасают оленей: оленеводство является важной частью их сложного хозяйства, которое включает также рыбную ловлю, охоту, в том числе и на морских млекопитающих.

Помимо того, что олень является источником пищи и сырья, *ороки* используют это животное и для верховой езды [6, с. 60—100]. Такое применение северных оленей, должно быть, заимствовано с запада и/или юго-запада, где есть несколько этнических групп, говорящих на тунгусских языках и имеющих сходный тип оленеводства. Далее связь со словом, означающим «северный олень», поддерживается этнонимами *oroch* (*орочи*) и *орочён* ~ *орончон*, которые используются применительно к некоторым из этих тунгусоязычных популяций.

Однако есть проблемы, связанные с общепринятой этимологией. Во-первых, слова *орон* «(одомашненный) северный олень», в языке *ороков* нет, он, оказывается, единственный из тунгусских языков, в котором отсутствует этот общий для них элемент, тогда как он обнаруживается даже в маньчжурском [26, с. 299 (слово *oron*)]. Представляется, что неиспользование самими *ороками* этнонима *ороки* не представляет собой большую проблему, но всё-таки отсутствие в их языке общего тунгусского слова,

означающего «северный олень», являет собой интересную аномалию. Возможной причиной могло быть лексическое табу, но непонятно, почему только ороки из всех тунгусских народов могли применять его к оленям. Орокское слово, обозначающее «олень», — *ulaa* [36, с. 218], оно находит определённое родство только у орочей [3, с. 83 (слово *ula:*)]. Кстати, с учётом важной роли оленей в жизни ороков было выдвинуто предположение, что слово *ула* может быть связано с этнонимом *уйльта* [8, с. 262—263 (слово *ульт*); 24, с. 127; 25, с. 10—11]. К сожалению, эта этимология вряд ли может быть правильной, поскольку имеет уникальные деривационные отношения¹.

Другая проблема заключается в том, что форма *orok*, т.е. *oro-k(-)*, не может быть объяснена как производная от *орон* («северный олень»). Концевой (-)п в *орон* — это, конечно, вторичный элемент, который может отсутствовать перед другими суффиксами. Фактически он отсутствует в производных, лежащих в основе этнонимов *oroch* (орочи) и *orochen*. Последние представляют собой эвенкийские формы *orocii* и *oro-cien* соответственно [2, с. 327 (слова *orochī*, *orochēn*)] и традиционно анализируются как притяжательные, производные от *орон*, «северный олень» [25, с. 31]. Однако в маньчжурской форме *oronco* [26, с. 299 (слово *oronco i nyalma* — «оленовод») ~ *oroncon* присутствует носовой звук, что даёт альтернативную форму *oronchon* (~ *oronchun*), по-китайски *elunchun*.

Единственным производным, сравнимым с этнонимом *orok*, могло бы быть нанайское притяжательное номинальное *oron-ku*, «тот, у кого есть олень» [4, с. 315 (слово *orōn*: *orōnku gurun* — «оленоводы»)], но и оно содержит конечный носовой, тогда как в орокском (-) носового нет. Маркер для притяжательных номиналов содержит согласный (*)к, как и в удэгейском и ороческом языках, в то время как другие тунгусские языки, включая даже *ulcha*, показывают (*)с, что делает реконструкцию этого элемента особенно проблематичной [16, с. 91].

Ещё важнее то, что связь этнонимов *oroch* (*орочи*) и *orochen* ~ *oronchon* с *орон*, «северный олень», не настолько убедительна, как может показаться. *Oroch*, по-русски *ороч* (мн. ч. *орочи*), ороцкий язык тесно связан с удэгейским. Ульчи называют себя именем *naani* и не держат оленей. Хотя сходство этнонимов *орочи* и *ороки* рассматривается как свидетельство связи между этими двумя группами [9, с. 397—398], никаких доказательств этому нет, более того, весьма значительны культурные различия между

¹ Что касается дальнейших связей термина *ulaa*, «северный олень», то предлагалось сравнение с монгольским *ulaxa/n*, «эстафетный конь(и), почтовый конь(и)» и современного *ulaa* с известным тюркским оригиналом (и возможными более широкими связями). Такая возможность существует, особенно потому, что ороки используют оленей и как вьючное животное. Но и при этом любопытно, что данное слово представлено только в орокском и ороческом, но ни в одном другом тунгусском языке. В этой связи, с точки зрения фонетической совместимости с данными по орокам и орочам, упоминалось маньчжурское *ulha* «скот, домашнее животное», но его семантическое отношение с тюрко-монгольским образцом остаётся менее очевидным.

указанными народностями. С другой стороны, этноним *orochen*, по-русски *орочон* (мн. ч. *орочёны*), применяется к нескольким тунгусоязычным популяциям оленеводов в Сибири, в том числе иногда и к орокам. Собственно *орочёны* в Маньчжурии, сегодня более известные под пиньинизированной записью *oroqen* [33, с. 183—187], относятся к контексту маньчжурских конных тунгусов, что задокументировано уже во время династии Цин [34, с. 97—98].

Несмотря на то, что этнонимы легко переносятся из одной популяции в другую, они могут сохранять следы иным образом утраченных культурных обстоятельств, нельзя исключить, что некоторые случаи наименований *oroch* (*орочи*) и *orochen* ~ *oronchon* на самом деле вообще не возникли на основе *oron*, «северный олень», а скорее на других словах-омонимах. Возможные основы могли бы быть предложены из *oron* ~ *xoron*, «верхняя часть головы» = «вершина горы» [8, с. 334 (слово *horon*)] и *oron* ~ «свободное место, место» [8, с. 19 (слово *onno*); 26, с. 299 (слово *oron*)], оба из которых имеют связи также с монгольским языком [17, с. 668—670 (слова *oro*, *ǫrǫ*, *oroč'én*, *oroč'en*, *oron*; 19, с. 39 (№ 85), с. 116 (№ 399)]². По крайней мере, из бирарского диалекта эвенков (орочёнов) форма *oro-ci* была записана в значении «(местный) житель» [32, с. 54—56]. Следует сделать вывод: нет однозначных доказательств того, что этнонимы *орок* и *ороч* (*орочи*) будут основываться на *орон* («северный олень») или что любой из них обязательно будет связан с этнонимом *орочён*. Кроме того, нет веских оснований полагать, что *орок* и *ороч* являются этимологически общими.

ОРОКИ ПРОТИВ ORNGARH, ORAKAT, URYANGKHAİ

Чтобы получить более глубокое представление о происхождении этнонима *ороки*, необходимо рассмотреть, как ороков называют их ближайшие соседи-аборигены. Гиляки (нивхи) на Амуре используют термин *ornger*: *plural ornger-ku*, в котором *ng* представляет задненёбный носовой звук [ŋ], в то время как *e* обозначает неокруглённый средневысокий гласный [э]. Соответствующая форма на сахалинском диалекте может быть

² Более широкие этимологические связи этих слов не имеют отношения к настоящему обсуждению. Достаточно сказать, что слово *oron* ~ *xoron* «верх (головы, горы)» восходит к прототунгусскому **pora.n*, который стоит в нетривиальных отношениях с монгольским *oroï* (*orai*) < **xorai* < **pora.i id*. И они во всяком случае должны иметь очень древнюю связь. С другой стороны, слово *oron* 'ого' «свободный, место» включает недавнее заимствование (или набор параллельных заимствований) из монгольского *oron* «место, земля, территория, местность, жилище» ' ~ *oro/n* ', «свободный, ложе», слово с дальнейшими связями в тюркском языке, а также связано с монгольским глаголом *oro-* «ввести»: *oro-si-* «быть в стороне», «проживать». Ввиду культурной и географической ситуации маньчжурское слово *oron*, «северный олень», также может быть побочным заимствованием из других тунгусских языков, хотя формально оно выглядит обычным отражением, общим в тунгусских языках, из прототунгусского *oron*.

фонемизирована как *orngarh*, в которой *rh* = [r] обозначает повсеместно редкий звук — щелевой вибрирующий [r] (например, чешский [ř]) [7, с. 247 (слово *orngy*)]. Данные термины означают не только ороков (в [7] ошибочно именуемых *oročh*), но также и ульчей. Это показывает, что близкие исторические и языковые отношения между этими двумя группами были хорошо известны соседним народам.

Несмотря на отсутствие прямой доступной документации по истории гиляков, и внутренняя реконструкция, и внешние (ареальные) сравнения дают важную информацию о более ранних этапах их языка. Известно, например, что в его системе гласных, как и в системах многих соседних языков Северо-Восточной Азии, происходило чередование [20, с. 129—146], в то время как исключительно сложная система согласных была сформирована из значительно более простой исходной системы с помощью многочисленных вторичных концентраций согласных [12; 13; 15]. Кроме того, известно, что гиляки потеряли большинство гласных сегментов в неосновных слогах, в результате чего появилось большое количество вторичных согласных групп. В соответствии с этой информацией, сахалинско-гиляцкое слово *orngarh*, которое, казалось бы, представляет более оригинальную форму этнонима, может быть восстановлено как производное более ранней формы **urVngat* (V) с обычными изменениями **u>o* (чередование гласных) и **t>rh* (развитие поствокальных взрывных к фрикативным согласным). Язык амурских гиляков должен, соответственно, содержать более раннюю форму **urVngVd* (V), при том предположении, что качество гласного в исходном третьем слоге было затенено развитием нейтрализации.

Ныне вымерший язык сахалинских айнов документирован значительно хуже, нежели язык сахалинских гиляков, но этноним, обозначающий ороков, хорошо подтверждён в языке сахалинских айнов в основной форме *orakata* (*orákata*). В редуцированной форме, особенно во фразе *orakat_utar* (*orákata utara*), *opoки*, более короткий вариант *orakat* (*orákata*), также засвидетельствован [28, с. 66—102]. Этноним *orakat(a)* обычно, по-видимому, относился к самим орокам Сахалина, хотя он также мог определять и ульчей континента. Однако в некоторых контекстах он может скорее обозначать более общих соседей и врагов айнов и в любом случае может рассматриваться как преимущественно фольклорный термин. В нефольклорных источниках есть обращение сахалинских айнов к орокам — *orohko* (см., например, [5, с. 5]), которое идентично японскому *orokko* (*oroqko*, в современной орфографии представленной как *orotsuko*). Фонетическая связь между *orakat(a)* и *orohko* не лишена проблем, но в принципе последняя форма может быть получена из первой, если предполагать спорадическое усечение (>**oraka*) и удвоение (>**orakka*), за которым следует более или менее регулярное выравнивание качеств гласных (>**orokko*) и типичное для сахалинских айнов придыхание прерванных взрывных (>**orohko*).

Точное происхождение формы *orohko* остаётся, следовательно, не совсем ясным, и нельзя исключать, что она была задним числом изменена через японскую *orokko*. Однако, сосредоточив внимание на более архаичном

варианте *orakata*, легко увидеть, что он почти соответствует реконструкции гиляцкого **urVngat* (V). Ясно, что айнский элемент был заимствован из гиляцкого в то время, когда система гласных у гиляков уже прошла чередование гласных (**u>o*), тогда как гласные неначальных слогов были по-прежнему неизменёнными. Гиляцкий прототип, на котором основано айнское *orakata*, может быть реконструирован как **orangata*. Единственное различие между этими двумя формами — соответствие айнского *k*- (задненёбный носовой согласный) гиляцкому *-ng-* (носовой задненёбный). Это, однако, обычное соответствие в заимствованиях из гиляцкого в айнский язык, что подтверждается термином «северный олень», на сахалинско-гиляцком *tlangi* <**tVlangVi* → на айнском *tunakai* → на японском *tonakai* [14, с. 45—49]. Замена *-ng-* → *-k-kwas* была обусловлена отсутствием задненёбной носовой фонемы в айнском языке.

Можно сделать вывод, что айны заимствовали своё название ороков от гиляков, которые, очевидно, знали ороков раньше. По информации, полученной от айнов, внутренне реконструированная гиляцкая форма **urVngat* (V) может теперь быть заменена внешней формой **urangata*. Она открывает новый путь для дальнейших внешних сравнений, поскольку **urangata* вряд ли может быть отделена от широко распространённого этнонима *uryangkhai* (*урянхай*) и его вариантов. Не затрагивая вопроса о первичном происхождении этого этнонима, мы можем отметить, что это общий термин, который относится к нескольким «лесным народам» и распространён от современных тюркоязычных популяций Саянского региона (тувинская группа) и Лены (якуты) до исторических и протоисторических групп в Хинганском регионе и далее к востоку Маньчжурии. Этот этноним зафиксирован в источниках, связанных с северными границами киданьского Ляо [35, с. 98], средневековых монголов [31, с. 240—241] и Кореи позднего Средневековья [22]. Группы с этим этнонимом также присутствуют в составе эвенков [1, с. 56—93]. Может быть, важно будет отметить, что это слово записано у эвенков также и в нарицательном значении «человек» [2, с. 450 (слово *urankai*)].

Формальная вариация *uryangkhai* (~ *uriangkhai* ~ *uriyangkhai*) содержит две детали. С одной стороны, начальная часть этнонима появляется либо со средненёбным элементом (***)-*i/y-*, либо без него, т.е.: (***)*uryang-* (~ *uriang-* ~ *uriyang-*), или (***)*urang-*. Первый вариант присутствует в монгольском *uriyangkai* [24, с. 883 (слово *urijangxai*)] и китайском *wuliangha* ~ *wulianghai*, тогда как последний присутствует в эвенкийском *urangkai* [8, с. 283 (слово *urankaj*)] и корейском **urangkai* > *orangkae*. С другой стороны, заключительная часть этнонима появляется с вариантами *-ka* ~ *-ka-i* ~ *-ka-n*: множ. *-ka-d*: «этникон» *kadai*, все из которых зафиксированы у средневековых монголов [30, с. 155—156 (слово *uriangqadai*); 29, с. 256]. Элементы *-i* ~ *-n* (множ. *-d*) могут быть признаны как категория монгольских суффиксов, а это предполагает, что другие элементы с конечным *-i* (~ *-y*) также имеют монгольское происхождение, но это трудно установить и, возможно, участвовали также близкие к монгольским языки (языки киданей). В любом случае очевидно, что гиляцкое **urangata* = **uranga-ta*

представляет собой вариант **urangka-*, без средненёбного элемента (*) *-i/y-*. Другие детали гиляцкого образца и его отражения в айнском языке невозможно объяснить с полной уверенностью. Например, неизвестно, когда и как происходило развитие (*) *-ngk-* [ŋk] > *-ng-* [ŋ]: это может быть или не быть обычным процессом в допротогиляцком языке. Также неизвестно, что означает конечный элемент **-ta* в гиляцком **uranga-ta* и айнском *oraka-ta*. Существует интересная возможность, что *-ta* представляет собой общий тунгусский суффикс **-tA*, хорошо удостоверенный в маньчжурском, но присутствующий и в других тунгусских языках, особенно в составе сложного суффикса **-g-tA* (> *manchu-hA*) [16, с. 71—72]. В маньчжурском **-tA* в основном используется для терминов родства и в других словах, определяющих социальные отношения, как в *senge* «старый»: *senge-te* «старшие» [26, с. 316]. Тем не менее, возможно, следует считаться с тем, что **-tA* когда-то использовался и в этнонимах, тогда гиляцкое **uranga-ta* могло быть непосредственно основано на общетунгусской форме **urangka-ta*. Можно отметить, что у самих ороков есть несколько имён кланов, заканчивающихся на *-tA*, как *gee (-) tta* [36, с. 66 (слово *geetta*)]. Однако неясно, связано ли это окончание с тунгусским **-tA*. Кроме того, вопреки заявленному [23, с. 127; 25, с. 10—11], этноним *uilta* (*wilta* <**ulca*) этого элемента не содержит.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Независимо от того, как объясняются детали, нет сомнений, что гиляцкий термин *ornger ~ orngarh* ‘*orok, ulcha*’ представляет собой интроспекцию общего этнонима *uryangkhai*. Вероятно, он использовался в бассейне Амура по отношению к некоторым частям местного населения, не исключено, что особенно к тем, в чьей речи бытовали тунгусские идиомы. Мы не знаем, использовали ли этот термин данные тунгусоязычные народы применительно к себе, хотя эту возможность нельзя исключить ввиду сходства реконструкции гиляцкого **urangata* с гипотетической общетунгусской формой **urangka-ta*. Как бы то ни было, этот термин был принят лингвистическими предшественниками гиляков, которые в конечном итоге стали использовать его в отношении конкретного речевого тунгусского сообщества, из которого лингвистически произошли как язык ульчей на континенте, так и язык ороков на Сахалине. Можно с уверенностью утверждать, что язык гиляков попал на Сахалин с континента раньше орокского, и, вполне возможно, термин *urangata* уже использовался лингвистическими предшественниками гиляков до того, как они распространились на Сахалине.

Из промежуточной гиляцкой формы **orangata* этот этноним был передан айнам, которые с юга распространились до Сахалина. Подобно гилякам, айны использовали термин в основном для обозначения как ороков на Сахалине, так и ульчей на континенте, хотя он также мог применяться шире. Для айнов ороки олицетворяли собой северные неайнские народы, с которыми первые

вели войны после их экспансии на Хоккайдо. Для хоккайдских айнов эти северные народы были известны под фольклорным именем *rep-un-kur*, «морские люди» [27, с. 40—44], которых можно отождествить с археологически хорошо изученной средневековой охотской культурой на Сахалине и на северном Хоккайдо. Мы не знаем, на каком языке говорили люди охотской культуры (с их маньчжурскими и берингскими связями), хотя тунгусский вполне вероятен. В любом случае существует определённая преемственность от доисторических айнских концепций охотского народа до их исторических контактов с ороками [10, с. 4 (№ 8)]. Тем не менее термин *orakata*, по-видимому, был принят айнами только после их прибытия на Сахалин.

История этнонима *orok* служит иллюстрацией языкового симбиоза аборигенов Сахалина [11, с. 1—52]. Три аборигенных языка острова проникли на Сахалин в следующем порядке: гиляцкий, айнский, орокский. И гиляки, и айны видели в ороках явление более позднего вторжения с континента, что может быть одной из причин, по которой ороки стали известны по варианту континентального этнонима *uryangkhai*. В отличие от гиляков и айнов, но также и в отличие от ульчей на континенте, ороки освоили оленеводство как один из основных видов хозяйственных занятий. Как это произошло — интересная проблема для исторической этнографии, но мы знаем, по крайней мере, что именование *orok* старше их оленеводства.

Итак, в сжатом виде выводы будут выглядеть следующим образом:

- 1) *улча = ульта, ульта* — этноним пока неизвестного происхождения;
- 2) *орок ≠ ороchon* — эти этнонимы имеют разное происхождение;
- 3) *орок = уранкай, урянхай* — заимствовано в японский из айнского, а в айнский — из нивхского, в нивхский пришло с материка, в русский — из айнского или японского;
- 4) *орочон* как название некоторых групп эвенков (и ошибочно — ороков), скорее всего, не связано с оленеводством, а произведено от слова *оро* ‘местность’.

Благодарность. Этой статьёй я хочу почтить память моего учителя, профессора Дзиро Икэгами. Помимо того что он был последним великим японским лингвистом и алтаеведом своего поколения, он был Великим Старцем орокских исследований, чей вклад в эту область является постоянной базой надёжной информации о быстроисчезающем языке и культуре ороков. Во время обучения под его руководством в Университете Хоккайдо в 1978—1979 гг. мне повезло: меня познакомили с некоторыми из его информантов-ороков, тогда ещё живших в Абасири. Профессор Икэгами занимался исследованиями ороков до конца жизни, и ещё в 2001 г. у меня была возможность посещать его уроки орокского языка. Он также был активным пропагандистом просвещения на родном языке среди ороков, тем самым стремясь указать путь к лучшему будущему этой крохотной этнической группе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Василевич Г.М. Уранкаи-эвенки // Доклады по этнографии ВГО. Л., 1966. С. 56—93.
2. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 803 с.
3. Гирфанова А.Х. Словарь оро-русский и русско-оро-русский. СПб.: Дрофа, 2007. 199 с.
4. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. 552 с.
5. Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
6. Роон Т.П. Ульта Сахалина: ист.-этнограф. исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
7. Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970. 536 с.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
9. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
10. Alonso de la Fuente J.A. The Ainu Languages: Traditional Reconstruction, Eurasian Areal Linguistics, and Diachronic (Holistic) Typology. PhD in philol. sci. diss. Euskal Herriko Unibertsitatea, 2012.
11. Austerlitz R. L'appellation du renne en japonais, aïnou et surtout en ghilia // Tractata Altaica Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. P. 45—49.
12. Austerlitz R. Nivkh-Ainu-Orok Linguistic Symbiosis on the Island of Sakhalin: unpublished manuscript, distributed as a xero-copied typescript. 2000. 52 p.
13. Austerlitz R. On the Penumbra of Questions Surrounding the Internal Reconstruction of Gilyak // International Review of Slavic Linguistics. Vol. 5. Edmonton, 1980. P. 75—87.
14. Austerlitz R. Reconstructio interna linguae Ghiliacorum. Unpublished handout of a lecture given at the Finno-Ugrian Society. Helsinki, 1972.
15. Austerlitz R. Typology in the Service of Internal Reconstruction // Language Typology 1987: Systematic Balance in Language: papers from the Linguistic Typology Symposium (Berkeley 1987). Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1990. Vol. 67. P. 17—33.
16. Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1956. 151 s.
17. Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Tungusica. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. 305 s.
18. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 1—4. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. 558 s.
19. Doerfer G., Knüppel M. Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms, 2004. 932 s.
20. Janhunen J. Manchuria: An Ethnic History // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. Vol. 222. 335 p.
21. Janhunen J. The Expansion of Tungusic as an Ethnic and Linguistic Process // Recent Advances in Tungusic Linguistics. Turcologica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. Vol. 89. P. 5—16.
22. Jugel U. Studien zur Geschichte der Wu-liang-ha im 15. Jh. Teil 1: Die Vorbereitungen Koreas zum Nordfeldzug gegen die Wu-liang-ha der Südmandschurei. Tungusica. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. 178 s.

23. Lessing F.D. *Mongolian-English Dictionary* // Publications of the Mongolia Society, Occasional Papers. Bloomington: Mongolian Society, Inc.: Indiana University, 1995. № 16. 1226 p.
24. Majewicz A. *The Oroks: Past and Present* // The Development of Siberia: People and Resources. Studies in Russia and East Europe. London: Macmillan, 1989. P. 124–146.
25. Menges K. *Die tungusischen Sprachen* // Handbuch der Orientalistik. Leiden: E. J. Brill, 1968. Vol. I. V. 3. S. 21–256.
26. Norman J., Dede K., Prager Branner D. *A Comprehensive Manchu-English Dictionary*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2013. 446 p.
27. Philippi D. *Songs of Gods – Songs of Humans: The Epic Tradition of the Ainu*. San Francisco: North Point Press, 1982. 416 p.
28. Piłsudski B. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore*. Ed. by J. Rozwadowski. Cracow: Imperial Academy of Sciences, 1912. 242 p.
29. de Rachewiltz I. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Brill's Inner Asian Library. Vol. 7, 1–2. Leiden: Brill, 2006. 1347 p.
30. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung*. PhD in philol. sci. diss. Helsinki: Publications of the Institute for Asian and African Studies; University of Helsinki. 2006. 843 s.
31. Shastina N.P. *Mongol and Turkic Ethnonyms in the Secret History of the Mongols* // Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (Szeged 1971). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. P. 231–244.
32. Shirokogoroff S.M. *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai: the Commercial Press, 1933. 427 p.
33. Tulisow J. *New Data on the Oroqen*. Linguistic and Oriental Studies from Poznań. Poznań, 1995. Vol. 2. P. 183–187.
34. Wada Sei. *The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Records*. The Memoirs of the Research Department, Toyo Bunko. Tokyo, 1938. Vol. 10. P. 41–102.
35. Wittfogel K. & Fêng Chia-shêng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. Transactions of the American Philosophical Society, New Series. Philadelphia, 1949. Vol. 36. 752 p.
36. 池上二良. *ウイльта語辞典 = Икэгами Дзиро*. Словарь языка сахалинских ульта. Саппоро: 北海道大学図書刊行会, 1997. 292 p.

REFERENCES

1. Vasilevich G.M. *Urankai-ehvenki [Uryangkhai-Evenki]*. *Doklady po ehntografii VGO* [Reports on Ethnography of the Age of Discovery]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1958, 803 p. (In Russ.)
2. Vasilevich G.M. *Ehvenkijsko-russkij slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Leningrad, 1966, pp. 56–93. (In Russ.)
3. Girfanova A.H. *Slovar' orochsko-russkij i russko-orochskij* [Oroch-Russian Dictionary and Russian-Oroch Dictionary]. Saint Petersburg, Drofa Publ., 2007, 199 p. (In Russ.)
4. Onenko S.N. *Nanajsko-russkij slovar'* [Nanai-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1980, 552 p. (In Russ.)
5. Petrova T.I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Orok language (Uilta)]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 156 p. (In Russ.)
6. Roon T.P. *Ujl'ta Sahalina: ist.-ehntograf. issledovanie tradicionnogo hozjajstva i material'noj kul'tury XVIII – serediny XX veka* [Sakhalin's Uilta: Historical and Ethnographical Study about Traditional Farming and Material Culture in the 18th Century the middle of the 20th Century]. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)

7. Savel'eva V.N., Taksami Ch.M. *Nivhsko-russkij slovar'* [Nivkh-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya Publ., 1970, 536 p. (In Russ.)
8. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov. Materialy k ehntimologicheskomu slovarju. T. 2* [Comparative Dictionary of the Tungusic Languages. Materials for Etymological Dictionary. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 992 p. (In Russ.)
9. Shternberg L.Ya. *Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'cy, ajny* [Ghilyak, Orochi, Goldi, Negidals, Ainu]. Habarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
10. Alonso de la Fuente J.A. *The Ainu Languages: Traditional Reconstruction, Eurasian Areal Linguistics, and Diachronic (Holistic) Typology*. PhD in philol. sci. diss. PhD in philol. sci. diss. Euskal Herriko Unibertsitatea, 2012. (In Eng.)
11. Austerlitz R. L'appellation du renne en japonais, aïnou et surtout en ghiliak [The Word Reindeer in Japanese, Ainu and in Ghilyak']. *Tractata Altaica Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicate*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1976, pp. 45–49. (In Fr.)
12. Austerlitz R. Nivkh-Ainu-Orok linguistic symbiosis on the Island of Sakhalin. Unpublished manuscript, distributed as a xeroxed typescript. 2000, 52 p. (In Eng.)
13. Austerlitz R. On the Penumbra of Questions Surrounding the Internal Reconstruction of Gilyak. *International Review of Slavic Linguistics*, vol. 5. Edmonton, 1980, pp. 75–87. (In Eng.)
14. Austerlitz R. *Reconstructio interna linguae Ghiliacorum* [The Internal Reconstruction of Gilyak]. Unpublished handout of a lecture given at the Finno-Ugrian Society. Helsinki, 1972. (In Eng.)
15. Austerlitz R. Typology in the Service of Internal Reconstruction. *Language Typology 1987: Systematic Balance in Language. Papers from the Linguistic Typology Symposium* (Berkeley, 1987). Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1990, vol. 67, pp. 17–33. (In Eng.)
16. Benzing J. *Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik* [Tungusic Languages: Attempt of the Comparative Grammar]. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag Publ., 1956, 151 s. (In Germ.)
17. Doerfer G. *Mongolo-Tungusica. Tungusica* [Mongolian-Tungusic. Tungusic]. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1985, 305 s. (In Germ.)
18. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen* [Turkish and Mongolian Elements in New Persian], vol. 1–4. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag Publ., 1963, 558 s. (In Germ.)
19. Doerfer G., Knüppel M. *Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei)* [Etymological and Ethnological Dictionary of the Tungusic Dialect (Especially the Manchurian Dialect)]. Hildesheim; Zürich; New York, Georg Olms Publ., 2004, 932 s. (In Germ.)
20. Janhunen J. Manchuria: An Ethnic History. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, The Finno-Ugrian Society Publ., 1996, vol. 222, 335 p. (In Eng.)
21. Janhunen J. The Expansion of Tungusic as an Ethnic and Linguistic Process. *Recent Advances in Tungusic Linguistics. Turcologica*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 2012, vol. 89, pp. 5–16. (In Eng.)
22. Jugel U. *Studien zur Geschichte der Wu-liang-ha im 15. Jh.* Teil 1: Die Vorbereitungen Koreas zum Nordfeldzug gegen die Wu-liang-ha der Südmandschurei. *Tungusica* [Studies about the History of Wu-liang-ha in the 15th Century. Part 1: Preparations of Korea for the North Crusade against Wu-liang-ha in South Manchuria. Tungusic]. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1982, 178 s. (In Germ.)
23. Lessing F.D. *Mongolian-English Dictionary. Publications of the Mongolia Society, Occasional Papers*. Bloomington, Mongolian Society, Inc. Publ., Indiana University Publ., 1995, no. 16, 1226 p. (In Eng.)

24. Majewicz A. The Oroks: Past and Present. *The Development of Siberia: People and Resources. Studies in Russia and East Europe*. London, Macmillan Publ., 1989, pp. 124—146. (In Eng.)
25. Menges K. Die tungusischen Sprachen [Tungusic Languages]. *Handbuch der Orientalistik* [Handbook of Oriental Studies]. Leiden, E.J. Brill Publ., 1968, vol. I, v. 3, ss. 21—256. (In Germ.)
26. Norman J., Dede K., Prager Branner D. *A Comprehensive Manchu-English Dictionary*. Cambridge (Massachusetts), Harvard University Press Publ., 2013, 446 p. (In Eng.)
27. Philippi D. *Songs of Gods — Songs of Humans: The Epic Tradition of the Ainu*. San Francisco, North Point Press Publ., 1982, 416 p. (In Eng.)
28. Piłsudski B. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore*. Ed. by J. Rozwadowski. Cracow, Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, 242 p. (In Eng.)
29. de Rachewiltz I. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Brill's Inner Asian Library, vol. 7, 1—2. Leiden, Brill Publ., 2006, 1347 p. (In Eng.)
30. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung* [Personal Names and Titles of Middle Mongolian Documents: Lexical Study]. PhD in philol. sci. diss. Helsinki, Publications of the Institute for Asian and African Studies, University of Helsinki, 2006, 843 s. (In Germ.)
31. Shastina N.P. Mongol and Turkic Ethnonyms in the Secret History of the Mongols. *Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference* (Szeged 1971). Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1975, pp. 231—244. (In Eng.)
32. Shirokogoroff S.M. *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai, The Commercial Press Publ., 1933, 427 p. (In Eng.)
33. Tulisow J. New Data on the Oroqen. *Linguistic and Oriental Studies from Poznań*, vol. 2. Poznań, 1995, pp. 183—187. (In Eng.)
34. Wada Sei. The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Records. *The Memoirs of the Research Department, Toyo Bunko*. Tokyo, 1938, vol. 10, pp. 41—102. (In Eng.)
35. Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society: Liao (907—1125). *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*. Philadelphia, 1949, vol. 36, 752 p. (In Eng.)
36. 池上二良. Уилта語辞典 [Jiro Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin]. Sapporo: 北海道大学図書刊行会 Publ., 1997, 292 p. (In Jap.)

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Прежде всего, должен отметить немалую сложность работы над этим подробным, углублённым, я бы сказал, утончённым фонетическим анализом. Многие места текста в переводе представляют, очевидно, спорные моменты, поскольку сама по себе фонетическая терминология сложна и запутанна, отчасти недостаточно стандартизирована и дискуссионна. Кроме того, неизбежны те или иные искажения при передаче слов латиницей и при использовании трудов на нескольких языках.

Тем не менее вполне ясны методы исследования автора. Ю. Янхунен выдвигает и скрупулёзно разрабатывает, на мой взгляд, **принципиально новую концепцию**, протягивая нить анализа от дальневосточного региона

(Приамурье, Сахалин, Хоккайдо и другие острова Японии) с вовлечением аборигенных языков и этнонимов (орокский, ульчский, нанайский, нивхский, айнский, японский) до глубинных территорий Сибири (циркумбайкальский регион, Алтай, Саяны, Тува, Монголия, Якутия). Автор вовлекает множество свежих или малоизвестных данных сравнительной лингвистики, что даёт ему возможность связать примеры из тунгусских, тунгусо-маньчжурских и соседних с ними языков, включая весьма древние, реконструированные формы.

Результаты его анализа небесспорны, но весьма и весьма убедительны. Так, он неоднократно и в разных аспектах показывает, что форма *orok* не может быть объяснена как производная от *орон* («северный олень»). Таким же сомнениям он подвергает связь этого термина с этнонимами *орочи* и *орочёны*. Не менее интересен разбор им конечного элемента *-ta* в гиляцком (*uranga-ta*), айнском (*oraka-ta*) языках и общетунгусского суффикса *-tA*. Ю. Янхунен отмечает наличие названного форманта в именовании некоторых орокских родов (в частности, *Geetta*, *Gemma*), но отрицает наличие соответствующей частицы в этнониме *ульта/улча* (*wilta* < **ulca*). Через посредство нивхских и айнских форм (в прослеженной им последовательности заселения Нижнего Амура, Северной Японии и Сахалина предшественниками 1) нивхов; 2) айнов; 3) ороков) исследователю удалось «развести» этнические термины *ороки* и *ульта*: автор показывает маловероятность их общности и обнаруживает связь этнонима *ороки* с широко распространённым этнонимом *урянхай* (*uryangkhai*) отдалённой сибирской глубины.

На мой взгляд, это является наиболее ценным в исследованиях финского учёного. Полученные данные позволили ему сблизить этнонимические термины широкого ряда, в том числе тех групп, общими предками которых выступают урянхай.

По одному из главных выводов автора, реконструированные формы *urVngat* (сах. нивхский) и *urVngVd* (амур. нивхский) дают дальнейшие образцы *orangata/urangata* и ведут к айнским этнонимическим терминам *orákata* и *orohko*, идентичному японскому *orokko* (*oroqko*, *orotsuko*). И здесь Ю. Янхунен замечает: «*Urangata* вряд ли может быть отделена от широко распространённого этнонима *uryangkhai* (*урянхай*). Это общий термин, относящийся к нескольким „лесным народам“, от современных тюркоязычных популяций Саянского региона (тувинская группа) и Лены (якуты) до исторических и протоисторических групп в Хинганском регионе и далее к востоку Маньчжурии». Он объясняет: «И гиляки, и айны видели в ороках более позднее вторжение с континента, что может быть одной из причин, по которой ороки стали известны по варианту континентального этнонима *uryangkhai*».

В целом же, виртуозно применяя сравнительно-лингвистические приёмы, Ю. Янхунен добавляет целую цепь аргументов в пользу прямых и косвенных предположений ряда авторов о давнем появлении и длительном продвижении предков ороков-ульта из циркумбайкальско-маньчжурского региона.

В.Д. Косарев, кандидат исторических наук.
E-mail: valery.kos43@gmail.com